

ГЛАВА 2. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Уклад академической жизни

В год вступления Петра Васильевича Никитина в Академию наук, 1888 г., ее личный состав распределялся по отделениям следующим образом:

Физико-математическое отделение (ФМО, или I отделение)

По чистой математике:

орд. акад. В. Я. Буняковский (1804–1889),
орд. акад. В. Г. Имшенецкий (1832–1892),
адъюнкт А. А. Марков (1856–1922).

По прикладной математике:

орд. акад. П. Л. Чебышев (1821–1894).

По астрономии:

орд. акад. О. В. Струве (1819–1905),
орд. акад. О. А. Баклунд (1846–1916).

По физике:

орд. акад. Г. И. Вильд (1833–1902),
экстраорд. акад. А. В. Гадолин (1828–1892).

По химии:

орд. акад. Н. Н. Бекетов (1827–1911).

По технологии и химии, приспособленным к искусствам и ремеслам:

орд. акад. Ф. Ф. Бейльштейн (1838–1906).

По минералогии:

орд. акад. Н. И. Кокшаров (1818–1892).

По геологии (геогнозии) и палеонтологии:

орд. акад. Ф. Б. Шмидт (1832–1908).

По геологии:

адъюнкт А. П. Карпинский (1846–1936).

По ботанике:

орд. акад. К. И. Максимович (1827–1891)
экстраорд. акад. А. С. Фаминцын (1835–1918).

По зоологии:

орд. акад. Л. И. Шренк (1826–1894),
орд. акад. А. А. Штраух (1832–1893).

По сравнительной анатомии и физиологии:

орд. акад. Ф. В. Овсянников (1827–1906).

Отделение русского языка и словесности
(ОРЯС, или II отделение)

Орд. акад. Я. К. Грот (1812–1893).
Орд. акад. Ф. И. Буслаев (в Москве) (1818–1897).
Орд. акад. А. Ф. Бычков (1818–1899).
Орд. акад. М. И. Сухомлинов (1828–1901).
Орд. акад. А. Н. Веселовский (1838–1906).
Орд. акад. И. В. Ягич (в Вене) (1838–1923).

Историко-филологическое отделение
(ИФО, или III отделение)

По статистике и политической экономии:

орд. акад. К. С. Веселовский (1819–1901),
экстраорд. акад. В. П. Безобразов (1829–1889).

По политической экономии и науке о финансах:

вакансия

По истории и древностям русским:

экстраорд. акад. А. А. Куник (1814–1899),
адъюнкт Н. Ф. Дубровин (1837–1904).

По классической филологии и археологии:

орд. акад. А. К. Наук (1822–1892),
адъюнкт П. В. Никитин (1849–1916).

По литературе и истории азиатских народов:

орд. акад. О. Н. Бетлинг (1815–1904),
орд. акад. В. В. Радлов (1837–1918),
орд. акад. В. П. Васильев (1818–1900),
адъюнкт К. Г. Залеман (1849–1916).

Как видно из приведенного выше материала, в ОРЯС подразделение на специальности отсутствовало, а число специальностей по ФМО и ИФО было ограничено, и в Академии не изучались целые отрасли знания, например, юридические науки, давно уже ставшие предметом исследования многих зарубежных академий. Впрочем, Устав позволял принимать в число ординарных членов какого-либо известного ученого другой специальнос-

ти, в том случае, если Академия «найдет выгодным присоединение сей науки к предметам обыкновенных ее занятий»¹³⁶.

В конце 1880-х гг. состав Академии наук почти наполовину был иностранный (главным образом это были немцы). Некоторые академики (Вильд, Бакулунд, Гадолин, Куник, Наук, Радлов, Бетлинг) родились за границей, получили там образование и сформировались как ученые, были среди них российские немцы (Бейльштейн и Штраух родились в Петербурге, Шренк — в Харьковской губернии, К. И. Максимович — в Туле) и выходцы из остзейских земель (Струве, Шмидт, Залеман).

Новую существенную черту академического уклада в это время составляло пополнение состава академиков русскими учеными, даже несмотря на скандальное невключение в число академиков таких выдающихся ученых, как И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев. Славянские черты в облике Академии наук начали отчетливо проступать с 1882 г., когда в отношении адъюнктуры стало обязательным замещение академических вакансий русскими учеными. В 1886 г. в Академию были избраны химик Бекетов, китаист Васильев, геолог Карпинский, математик Марков, в 1887 г. — историк Дубровин, наконец, в 1888 г. — филолог-классик Никитин.

Тон в Академии в это время продолжали задавать немецкие ученые, и даже главным русофилом в Академии в это время тоже был немец, Куник, который отстаивал принцип, что Академия наук должна быть для русских, а не для немцев¹³⁷. Куник же в свое время (1852 г.) был инициатором издания Ученых записок по I и III отделениям на русском языке, чтобы, по его словам, «перекинуть мост через пропасть, образовавшуюся между первым ученым сословием империи и русским образованием, вследствие

---

¹³⁶ Устав Императорской Санктпетербургской Академии наук (1836 г.). § 34 // История Академии наук СССР (1803–1917). М.; Л., 1964. Т. 2. С. 692. Например, в 1899 г. обсуждалась возможность применения этого параграфа к кандидатуре И. А. Бодуэна де Куртенэ, представленного к избранию в экстраординарные академики по сравнительному языкознанию. Не ставя под сомнение его научные заслуги, Никитин и Розен оспаривали необходимость привлечения в отделение ученого этой специальности, предпочитая ему ориенталиста. Голосование показало, что члены отделения согласились с их доводами, и Бодуэн де Куртенэ не был избран (с 1897 г. он член-корреспондент АН): *Летопись Российской Академии наук. 1861–1900* / Отв. ред. М. Ф. Хартанович. СПб., 2003. Т. 3. С. 593; *Протоколы заседаний ИФО. № 2. 27 января. § 15, 24, 27* (и приложения 1 и 2).

¹³⁷ «Однако и русским, — пишет о Кунике Бенешевич, — он был не по образцу других. Со времени турецкой войны 1877/8 гг. Куник стал употреблять термин „шовинизм“ для обозначения весьма предосудительного образа мыслей: так он называл желание России или русских водрузить крест на св. Софии и утвердиться на Босфоре. „Не нужно заботиться о престиже, сидите смиренно, устраивайте свои финансы, которые теперь у вас так плохи, занимайтесь науками“, говаривал Куник собеседнику, заносившемуся в дали „восточного вопроса“»: *Медведев И. П.* Неопубликованные материалы В. Н. Бенешевича по истории византиноведения // РН. С. 603.

чего Академия казалась чем-то вроде тропического растения на русской почве»¹³⁸.

Непременным условием академической деятельности было участие ее действительных членов в академических собраниях. Собрания, или конференции, как их еще называли, были торжественные, экстраординарные и обыкновенные. Академия наук приглашала на торжественные собрания своих действительных и почетных членов, членов-корреспондентов и всех любителей наук. По заведенному обычаю ежегодно 29 декабря в день празднования основания Академии проходило торжественное собрание, на котором Академия отчитывалась о своих трудах за прошедший год, объявляла имена избранных в течение года почетных членов и членов-корреспондентов, а также имена ученых, получивших премии; завершалось собрание праздничным обедом. Торжественные собрания устраивались и по случаю празднования других памятных дат, например, 100-летнего юбилея А. С. Пушкина (1899 г.), 200-летнего юбилея М. В. Ломоносова (1911 г.), 300-летия дома Романовых (1913 г.).

Собрания экстраординарные мог созывать только президент Академии в случаях, требующих скорого решения. Обыкновенные общие собрания (ОС) происходили один раз в месяц. Два раза в месяц академики заседали по отделениям. Председателем на общих собраниях и заседаниях ФМО и ИФО был президент Академии наук, а в его отсутствие — вице-президент. ОРЯС имело своего особого председательствующего из числа академиков отделения.

Компетенция академических собраний ограничивалась обсуждением научных задач, рассуждать же о других делах, например, относящихся к управлению или экономии, можно было только в том случае, если президент Академии спрашивал мнения собрания об этих предметах (§ 97). Если академик хотел сделать на собрании заявление, он заранее представлял его президенту или вице-президенту и получал разрешение президента выступить по предложенной им теме. Эта формальность должна была оградить Академию наук от того, чтобы она брала на себя не свойственные ей функции.

Все вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях, заносились в протоколы, которые печатались в 100 экземплярах на правах рукописи. Каждое собрание начиналось прочтением и подписанием членами собрания протокола предыдущего заседания. Заявления академиков, не допущенные к прочтению в собрании, в протоколах не закреплялись и оставались лежать в архиве в протокольных бумагах. Академические вакансии, во время которых

---

¹³⁸ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1852. Д. 10. Л. 3.

не было заседаний, продолжались с 1 июня до 15 августа. Участие в академических собраниях влекло за собой требование проживания в Петербурге, однако бывали и исключения: Ф. И. Буслаев оставался профессором Московского университета, И. В. Ягич занимал кафедру славистики в Венском университете, и они только изредка посещали собрания и выступали на них с докладами¹³⁹.

В конце 1880-х гг. в ведении Академии наук находилась целая сеть научных учреждений: Библиотека, Физический кабинет (в 1912 г. переименован в Физическую лабораторию), Химическая лаборатория и музей: Азиатский, Зоологический, Ботанический, Этнографический (с 1902 г. переименован в Музей Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого), Минералогический (в 1898 г. переименован в Геологический, в 1903 г. — в Геологический музей имени Петра Великого, в 1912 г. — в Геологический и Минералогический музей имени императора Петра Великого; в 1906 г. разделен на два отделения: геологическое и минералогическое); Ботанический сад, Русский нумизматический кабинет и Музей классической археологии¹⁴⁰. Заведование музеями было возложено на академиков соответствующей специальности. Никитин после его избрания в 1892 г. экстраординарным академиком стал директором Музея классической археологии, который в 1894 г. с его подачи был передан Эрмитажу¹⁴¹. Академия имела свою типографию и гравировальную палату. Академия наук курировала

---

¹³⁹ Из будущих членов Академии В. О. Ключевский жил в Москве; директор Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенский и жил по месту своей службы; химик П. И. Вальден (избранный академиком в 1910 г.), жил в Риге и работал в Политехническом институте.

¹⁴⁰ В последующие годы в Академии наук были учреждены: Лаборатория по анатомии и физиологии растений (1890 г.), Особая зоологическая лаборатория (1894 г.), Физиологическая лаборатория (1889 г.). В 1892 г. в ведение Академии наук поступила Севастопольская Биологическая станция. Подробнее см.: Материалы для истории академических учреждений за 1899–1914 гг. Пг., 1917. Ч. 1; Музеи РАН / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М., 1998. Полный список научных учреждений Имп. Академии наук дан в Приложении 2.

¹⁴¹ Летопись Российской Академии наук. 1861–1900. С. 520; Протоколы заседаний ОС. № 2. 5 февраля 1894 г. § 30. Музей в штате Академии наук 1836 г. назван Нумизматическим музеем, а в 1874 г. он переименован в Музей классической археологии. Главную часть собрания составляла коллекция древних греческих и римских монет (682 золотых, 8464 серебряных и 11216 бронзовых и медных), а также небольшое количество древних греческих vaz. На пополнение коллекций отпускалось 500 руб. ежегодно. На эти скудные средства покупать экспонаты было немыслимо, и поэтому было решено передать музей Эрмитажу. За передачу коллекции Академия наук получила денежную компенсацию, которая составила капитал из вознаграждения за Музей классической археологии. Положение о порядке расходования процентов с капитала доложено на заседании ИФО 11.12.1902. (§ 241) и утверждено на заседании 29.01.1903. (§ 33).

деятельность таких важных учреждений, как Главная Астрономическая обсерватория¹⁴² и Главная Физическая обсерватория¹⁴³.

Общий штат Академии наук, т. е. финансирование всех ее потребностей, был дан ей вместе с уставом 1836 г., но уже через 5 лет он утратил значение полного и общего. В 1841 г. после присоединения Российской Академии произошло разделение Академии наук по отделениям: то, что прежде было Академией наук, стало теперь ее ФМО и ИФО, а из бывшей Российской Академии было образовано ОРЯС. Члены ОРЯС, в отличие от академиков других отделений, не получали ни жалования, ни пенсий (им полагалось только вознаграждение за участие в научных заседаниях отделения и за публикацию своих трудов в изданиях Академии). Музеям полагалось по одному, в лучшем случае — по два штатных сотрудника. Бюджетом предусматривалось ежегодное отчисление денег на пополнение библиотеки и коллекций. Во всех остальных случаях (в том числе на организацию экспедиций и экстренные нужды) приходилось ходатайствовать об отпуске специальных дополнительных средств.

Руководство Академией наук осуществляли президент, вице-президент и непременный секретарь. Президент, по Уставу, «есть охранитель прав Академии и блюститель за исполнением ее обязанностей»¹⁴⁴. Президент избирался и определялся лично императором. Вице-президенту в Уставе посвящен только § 47, где сказано, что в случае отсутствия или болезни президента, вице-президент «исправляет его должность и пользуется все-

---

¹⁴² Главная Астрономическая обсерватория была открыта в 1839 г. как самостоятельное учреждение. В 1862 г. для содействия ее деятельности был учрежден Комитет обсерватории под председательством президента Академии наук. Директор обсерватории избирался Академией из числа ординарных академиков. В 1886 г. при Обсерватории учреждена особая астрофизическая лаборатория, в 1899 г. она получила название Николаевской; в 1901 г. отделение обсерватории было открыто в Одессе, а в 1912 г. — в Николаеве и Симизе Таврической губернии с одновременным упразднением одесского отделения.

¹⁴³ Главная Физическая обсерватория была учреждена в 1849 г. в ведомстве Министерства финансов; в 1866 г. она перешла в ведение Академии наук. В 1875 г. при Главной Физической обсерватории была учреждена Магнитная и Метеорологическая обсерватория в Павловске, которой в 1892 г. было присвоено имя Константиновской, в память вел. кн. Константина Николаевича. В 1883 г. сеть магнитных обсерваторий при Горном ведомстве была преобразована в обычные станции и учреждены подведомственные Главной обсерватории Магнитные и Метеорологические обсерватории в Екатеринбурге и Иркутске, в ведение Академии наук перешла и Тифлисская Физическая обсерватория. В 1884 г. при Главной Физической обсерватории было учреждено отделение дождемерных и грозových станций, а в 1892 г. — отделение ежемесячных бюллетеней. В 1899 г. обсерватория получила название Николаевской.

¹⁴⁴ Устав Императорской Санктпетербургской Академии наук. (1836 г.). § 37 // История Академии наук СССР (1803–1917). С. 693.

ми правами, ему присвоенными»¹⁴⁵. В уставе ничего не говорилось о порядке замещения этой должности, но на практике выборы вице-президента не устраивались, он назначался императором по представлению президента из действительных членов Академии. Непременный секретарь избирался пожизненно академиками на Общем собрании. Непременный секретарь отвечал за делопроизводство, следил за ходом издания трудов Академии, составлял годовые отчеты и вел архив.

С 1882 по 1889 г. президентом Академии наук был министр внутренних дел гр. Д. А. Толстой. Толстой правил Академией жесткой рукой, широко пользовался своим правом вето, чтобы воспрепятствовать избранию в Академию неугодных ему и правительству кандидатов (например, химиков Д. И. Менделеева и Н. А. Меншуткина), и выдвигал своих ставленников. В 1887 г., например, именно он провел в III отделение, несмотря на упорную оппозицию единственного историка этого отделения Куника, военного историка Дубровина.

Непременным секретарем с 1857 по 1889 г. был Веселовский. Деспотичный, лукавый, он весь был как будто сшит из интриг и обмана. Многие академики считали его всесильным, потому что именно он на протяжении нескольких десятилетий заправлял всеми делами в Академии. В 1880-е гг. в Академии назревал кризис. Розен вскоре после своего избрания адъюнктом в 1879 г. имел серьезное столкновение с непременным секретарем (и коллегами по ИФО) в связи с отклонением предложенных Розеном кандидатов в академики. Этот конфликт вынудил Розена подать в начале 1882 г. прошение об увольнении из Академии наук.

В том же 1882 г. в ответ на предложение академика Грота о вторичном избрании в Академию Розен ему написал: «Я считаю поэтому нужным заявить Вам письменно, что после всего мною испытанного и пережитого я никоим образом не могу согласиться на вторичное избрание в Академию, ибо 1) не могу быть еще раз товарищем по службе г. непременного секретаря, которого я считаю человеком нечестным и интриганом, которого я считаю главным виновником всех академических неурядиц и которого я **презираю глубоко и искренне**. 2) **Не хочу** быть членом Академии, пока мой кандидат В. Г. Тизенгаузен, В. П. Васильев, как самый выдающийся русский ориенталист, и В. Г. Васильевский, как давно намеченный кандидат на кафедру адъюнкта по русской истории, но опять-таки из опасения (весьма основательного) оппозиции со стороны непременного секретаря до сих пор не представленный, — не будут приняты в Академию».

Вице-президентом с 1863 по 1889 г. был математик В. Я. Буняковский;

---

¹⁴⁵ Там же. С. 694.

однако его административные способности были гораздо ниже научных. Не энергичный, деликатный и скромный, он не играл большой роли в академических делах и был поднят Веселовским, однако своей мягкостью и хорошими отношениями с товарищами Буняковский до некоторой степени смягчал деспотичное поведение неперменного секретаря.

25 апреля 1889 г. умер президент Академии наук гр. Д. А. Толстой, и его смерть повлекла за собой радикальные перемены в руководстве Академии. Впервые за 175 лет ее существования президент был намечен из числа великих князей. Выбор пал на 30-летнего вел. кн. Константина Константиновича, в 1887 г. избранного в почетные члены Академии. Константин Константинович имел репутацию либерального члена императорской фамилии и в глазах просвещенной части русского общества пользовался высоким авторитетом. С. Ю. Витте говорил, что он «в полном смысле «великий князь»¹⁴⁶. Новое назначение состоялось 3 мая 1889 г.

Президент Императорской Академии наук вел. кн. Константин Константинович

Поэт К. Р.

Вел. кн. Константин Константинович (1858–1915)¹⁴⁷ был внуком Николая I и сыном вел. кн. Константина Николаевича (1827–1892), который с первых лет царствования своего брата Александра II стал его ревностным сподвижником и принял самое близкое участие в обновлении России, заняв ключевые посты в Главном комитете по подготовке крестьянской реформы, Морском министерстве и Государственном совете. За свою энергию и настойчивость и одновременно пылкость и несдержанность его прозвали «паровиком». Эта меткая характеристика одновременно напоминала о том, что именно ему Россия была обязана заменой парусного флота паровым. Константин

---

¹⁴⁶ С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. (1894 — октябрь 1905). Царствование Николая II. М., 1960. С. 147.

¹⁴⁷ См. о нем: *Нелюбин Г. К. Р.* Критико-биографический этюд. СПб., 1902; Сборник памяти великого князя Константина Константиновича, поэт К. Р. / Издание совета общекадетских объединений за рубежом под ред. А. А. Геринга. Париж, 1962; *Соболев В. С.* Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы. СПб., 1993; *Великий князь Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб.; Дюссельдорф, 1993; *Кузьмина Л. И.* Августейший поэт. К. Р. Стихи разных лет. Личность. Творчество. СПб., 1995; *К. Р. Великий князь Константин Романов.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Материалы и публикации подготовлены Э. Матониной. М., 1998; *К. Р. Избранная переписка* / Сост. Л. И. Кузьмина. СПб., 1999; *Вострышев М. И.* Августейшее семейство: Россия глазами великого князя Константина Константиновича. М., 2001.